

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ФРАНКЛИНА Д. РУЗВЕЛЬТА.
ГОДЫ ВОЙНЫ *

Н. Н. Яковлев

В 1940 г. Франклину Д. Рузвельту исполнилось 58 лет. Он вступал в свое третье президентство, накопив громадный политический опыт. Война оттеснила на задний план внутренние проблемы страны. Она требовала быстрых решений и не терпела словопрений. Политические разногласия могли явиться лишь досадной помехой в деятельности администрации. Чрезвычайные обстоятельства, а быть может, и уверенность в будущем — еще четыре года пребывания в Белом доме — привели к заметным изменениям в методах работы ФДР. Он не стал «диктатором», но теперь много реже объяснял народу мотивы своих действий.

Победив в третий раз на выборах, ФДР не хотел брать с собой в третье президентство тех, кто жил воспоминаниями о старых днях, кто знал о колебаниях президента. Советники, позволявшие себе, хотя и редко, оспаривать его суждения, становились излишними. Кроме того, война призывала людей дела — промышленников, военных, практических экономистов, а не теоретиков, все еще оттачивавших философию «нового курса». На рубеже второго и третьего президентств Рузвельта происходит значительная и последняя смена лиц в его непосредственном окружении. В начале 1941 г. ФДР предложил уйти двум оставшимся «ньюдилерам» — Т. Коркорану и Б. Когену. Они олицетворяли собой дни минувшие — дни словесных битв с чудовищами монополистического капитала, осуждения «привилегий богатства» и т. д. «Первые «ньюдилеры» были с самого начала успешно изображены враждебной прессой как «красные», — замечает Р. Тагвелл, — и эта клевета оказалась настолько убедительной, что Рузвельт был вынужден считаться с ней, уволив большинство из них»¹. Коркоран и Коген своим присутствием раздражали представителей крупного бизнеса, наводнивших Вашингтон в связи с развертыванием военной экономики.

Деловая печать единодушно одобрила мудрого президента, приблизившего к себе вместо «теоретиков» «практиков». Заговорили о «мозговом тресте бизнеса» в Белом доме. В кабинет президента зачастил У. Кнудсен, назначенный генеральным директором управления промышленного производства. Имена всех пятерых его непосредственных подчиненных вселяли уверенность в круги лидеров американского монополистического капитала: Биггерс («Либби—Оуэнс—Форд Гласс Компани»), Батт (концерн СКФ), Гарриман («Юнион Пасифик Райлроад»), Гаррисон («Америкэн Телеграф энд Телефон Компани»), Джонсон («Дженерал Моторс»). Та самая капиталистическая печать, которая еще недавно поносила ФДР, теперь единодушно благословляла его выбор. Рядом с президентом стали более заметны профессиональные политики, а не личные советники. Партийные машины Нью-Йорка и Чикаго в конечном счете обеспечили успех ФДР на выборах. Он помнил об этом. После победы Рузвельт отблагодарил верных ему. В начале 1941 г., например, после смерти сенатора от штата Техас, предстояли выборы нового сенатора. Молодой конгрессмен Линдон Б. Джонсон был хорошо известен в Вашингтоне, но его шансы на победу в штате были сомнительны. ФДР принял Джонсона в Белом доме и заявил корреспондентам: «Следует сказать три вещи о выборах в сенат от штата Техас. Во-первых, дело жителей Техаса, кого они хотят выбрать. Во-вторых, все знают, что я не могу вмешаться в выборы в штате. В-третьих, откровенно говоря, я скажу лишь одно: Линдон — мой очень-очень старый друг». Выборы в штате, проходившие под лозунгом «Франклин Д. и Линдон Б.», почти привели к победе Джонсона².

Единственным влиятельным личным советником Рузвельта остался Г. Гопкинс. В 1940 г. он внешне занял вакантное место Л. Хоу. Гопкинс зарекомендовал себя как человек, беспредельно преданный президенту, обладавший редким качеством — он угадывал, и обычно правильно, намерения Рузвельта. 10 мая 1940 г. Гопкинс вечером пришел по делам в Белый дом. Он чувствовал себя очень плохо, и Рузвельт предложил ему переночевать. Гопкинс остался и прожил в отведенном ему помещении — бывшем каби-

* Окончание. Начало см. «Вопросы истории», 1965, №№ 11, 12.

¹ R. Tagwell. The Democratic Roosevelt. New York, 1957, p. 564.

² H. Provence. Lyndon B. Johnson, A Biography. New York, 1964, pp. 65—66.

нете А. Линкольна в юго-восточном крыле здания — три с половиной года. Отныне Гопкинса можно было всегда видеть в Белом доме. В августе 1940 г. он ушел в отставку с поста министра торговли и находился постоянно при президенте. Он стоял на страже ФДР, не допуская к нему чиновников с маловажными делами. Обычно Гопкинс говорил: «Президент не станет заниматься всей этой чепухой и пустяками, если я сам могу решить этот вопрос». Он не добавлял, однако, что всегда действовал на основании указаний президента. Когда Гопкинс в старом халате шел к президенту, казалось, что он идет к приятелю. На деле Гопкинс никогда не забывал, что ФДР — «босс». Люди, пытавшиеся сравнивать Г. Гопкинса с Л. Хоу, забывали об одном: Хоу возражал ФДР, а Гопкинс только угадывал, что хотел сделать президент, и беспрекословно выполнял указания. На этом он и держался.

По мере того как неотложные дела превращали президента прежде всего в администратора, возрастала слава Элеоноры Рузвельт — политика. Она очень много разъезжала по стране, выступала на различных церемониях и митингах, вызывая своими либеральными взглядами большую ненависть реакционеров, чем сам ФДР. Ее ежедневные статьи «Мой день», посвященные злободневным вопросам, публиковало все большее число газет. Даже антирузвельтовские газеты помещали их — редакторы шли навстречу своим читателям. В 1940 г. она подписала контракт на пять лет на публикацию этих статей, независимо от того, будет ли переизбран ФДР или нет. Элеонора приобрела собственную национальную известность. И никто лучше Г. Гопкинса не умел использовать ее влияние на мужа.

С уходом «нюдилеров» подготовка речей президента перешла в руки Г. Гопкинса и С. Розенмана. К ним летом 1940 г. присоединился популярный драматург Р. Шервуд. Они втроем писали все речи Рузвельта до его смерти. Отныне в выступлениях президента было меньше теории, но красноречия и соди стало, пожалуй, больше. Шервуд обладал изысканным стилем. ФДР все еще сокрушался, что не может сам готовить блестящие речи. «Битва за Англию» дала возможность Черчиллю произнести ряд звучных речей. Когда Гопкинс вернулся после первой поездки в Англию, ФДР встретил его вопросом: «Кто пишет речи Уинстону?» «Мне было чертовски неприятно, — сознался Гопкинс, — ответить: Уинстон пишет их сам». Иной раз Рузвельт в тесном кругу сожалел, что не обладает даром слова Черчилля. Впрочем, с 1941 г. президент стал уделять меньше внимания публичным выступлениям. Гопкинс отмечал: «Рузвельт произнес много замечательных речей. Впрочем, некоторые из них были отнюдь не столь хороши. Он не всегда тщательно работал над ними, потому что это ему порой надоедало. Президенту Соединенных Штатов часто приходится говорить на темы, которые его вовсе не интересуют. В таких случаях он предпочел бы читать книгу или пойти спать». Шервуд, приведя эти слова Гопкинса, заключает: «Это было особенно верно в последние годы жизни Рузвельта, когда он стремился говорить как можно реже и еще реже, по-видимому, интересовался тем, что говорил. Дни борьбы, когда слова служили единственным оружием, наконец прошли, великие и страшные события говорили теперь сами за себя»³.

Распорядок жизни в Белом доме не изменился. Как и прежде, день Рузвельта начинался первым завтраком в постели. Сидя в старом синем свитере или в голубой пелерине с вышитыми красными буквами «Ф.Д.Р.», он проглатывал невкусный завтрак и пробегал глазами газеты. В спальню входили сотрудники его личного штата — Г. Гопкинс, С. Розенман, С. Эрли, М. Макинтайр, Б. Хассетт и другие. Проводилось совещание, и они получали распоряжения на день. Личный врач Р. Макинтайр внимательно осматривал президента. Вслед за этим следовал выезд президента на работу. Камердинер А. Преттмен вез его в кресле в кабинет. Рядом шли агенты тайной полиции, один из них нес проволочную корзину с документами. «Этот выход на работу инвалида, — писал Р. Шервуд, — представлял собой зрелище, какое могло бы зажечь самое вялое воображение. Здесь мы видели Рузвельта, которого знал народ: с высоко поднятой головой, с небрежно торчащим в углу рта мундштуком с сигаретой, с видом непоколебимой уверенности в том, что, какие бы проблемы ни поставил день, он сумеет справиться с ними. И если эта уверенность не всегда бывала оправдана, она не становилась

³ Г. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Т. I. М. 1958, стр. 377—378.

от этого менее величественной и внушительной»⁴. Напряженный трудовой день в кабинете, куда подавался второй завтрак, заканчивался часам к шести. Затем лечебные процедуры — у ФДР не проходили свищи. В 7.15 вечера в овальном кабинете собирались на традиционный коктейль. Рузвельт не пил ни коньяка, ни виски, ни крепких напитков вообще. Но он очень любил готовить коктейли, и присутствующие были горды получить их из рук президента. О вкусе их мнения расходились. Обед подавался в кабинет в 7.45. Обычная, невкусная еда. Вечер проходил заведенным порядком — беседы с друзьями, игра в покер. Президент пересказывал — в который раз! — истории, которые находил смешными.

Никто не слышал от Рузвельта жалоб на дурное обслуживание. Но он с трудом мирился с теми сложностями, которые вносила в жизнь президента тайная полиция. Как-то он печально сказал: «Я страшно люблю жареные фисташки. Но если бы кто-либо прислал мне пакет с фисташками, моя тайная полиция считала бы своей обязанностью просветить их рентгеновскими лучами, а министерство сельского хозяйства — очистить все орехи и произвести исследование: нет ли в них яду или взрывчатых веществ. А чтобы не возиться, они попросту выбросили бы пакет и никогда не сообщили бы мне об этом». Выслушав печальный рассказ, Шервуд и Розенман купили большой пакет с фисташками и вручили его Рузвельту. Безмерно благодарный президент таюком съел содержимое.

Для Черчилля война против Германии была вопросом жизни или смерти Англии, для Рузвельта — важным эпизодом второй мировой войны, в которой пока не принимали участия три великие державы: США, Япония и СССР. Командование собственных вооруженных сил и Черчилль просили ФДР ускорить вступление Соединенных Штатов в войну. Это противоречило традиционной политике американской буржуазии. Хотя бы по этой причине, не говоря уже о том, что Япония и СССР в таком случае остались бы вне войны, Рузвельт не мог согласиться поднять оружие, безвозвратно связать свободу действий Соединенных Штатов. На рубеже 1940—1941 гг. ФДР знал то, что не было известно его критикам справа и слева, — гитлеровская Германия готовилась напасть на Советский Союз. Очень неплохо поставленная американская разведка давала правительству самую разнообразную информацию. Рузвельт лично занимался улучшением разведывательной деятельности. Так, не обращая внимания на протесты госдепартамента, он приказал установить сотрудничество между Федеральным бюро расследований и английской службой безопасности.

В Берлине с 1934 г. торговым атташе в посольстве США служил тихий американец С. Вуд. Он сумел установить контакты с высокопоставленными нацистами. Один из его информаторов уже в августе 1940 г. сообщил, что гитлеровское руководство планирует войну против СССР. Действительно, в конце июля 1940 г. Гитлер на совещании в Бергофе познакомил высшее командование германских вооруженных сил со своими планами. «Надежда Англии, — говорил он, — Россия и Америка. Если Россия будет уничтожена, тогда будет устранена со сцены и Америка, ибо уничтожение России чрезвычайно усилит мощь Японии на Дальнем Востоке... Решение: учитывая эти соображения, Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года. Чем раньше Россия будет разгромлена, тем лучше»⁵. Хотя в Вашингтоне сначала отнеслись с определенным недоверием к этим сведениям, тщательная проверка убедила президента в их правдивости. В начале января 1941 г. С. Вуд сумел заполучить и переслать в Вашингтон документ, который рассеял все сомнения, — директиву Гитлера № 21 от 18 декабря 1940 г., так называемый «план Барбаросса». Документ был вскоре представлен Рузвельту с указанием, что госдепартамент и ФБР считают его аутентичным подлиннику⁶. Отные правительство США могло спокойно взирать на Атлантику: гитлеровское руководство, привыкшее бить противников поодиночке, просто не могло в канун нападения на СССР ввязываться еще в конфликт с Соединенными Штатами. Здесь и лежали истоки опти-

⁴ Там же.

⁵ W. Shiger. The Rise and Fall of the third Reich. New York. 1961, pp. 1046—1047.

⁶ S. Welles. Time for Decision. New York. 1944. p. 170.

мизма Франклина Д. Рузвельта в отношении как безопасности США, так и перспектив второй мировой войны в целом. Несомненное в ближайшем будущем нападение гитлеровской Германии на Советский Союз делало вдвойне несвоевременным в глазах Рузвельта вступление США в войну в Европе, как на том настаивали командование американских вооруженных сил и Черчилль.

К весне 1941 г. Рузвельт занял определенную моральную позицию как противник держав «оси». Он стремился подкрепить ее материально вооруженной силой, однако не Соединенных Штатов, а Советского Союза. Сразу же после того, как правительство США узнало о «плане Барбаросса», Рузвельт предпринял шаги к некоторой нормализации американо-советских отношений. 21 января 1941 г. США отменили «моральное эмбарго» на торговлю с Советским Союзом. Хотя практические последствия этого были невелики, решение Вашингтона имело немаловажное политическое значение. Во время обсуждения ленд-лиза в конгрессе Рузвельт выступил против поправки о том, чтобы не оказывать помощи СССР. «Некоторые из более робких друзей Рузвельта призывали его согласиться на компромиссное решение, которое исключало бы Советский Союз. Однако он был тверд в этом пункте, поскольку уже тогда представлялось если не вероятным, то возможным, что и Россия подвергнется нападению Германии или Японии, а может быть, и обеих вместе...»⁷. Гитлеровская Германия весной 1941 г. представлялась непобедимой, ее удары неизменно оказывались смертельными. В интересах США было ослабить и подорвать мощь Германии, а следовательно, создавать благоприятные условия для тех, кто сражался против вермахта. Эти соображения и побудили правительство США в марте 1941 г. предупредить Советское правительство о готовившемся нападении Германии на СССР.

Имея в перспективе германо-советскую войну, Рузвельт считал возможным расширить зону в Атлантике, патрулировавшуюся военно-морскими силами США. Он правильно рассчитал, что со стороны Германии не последует ответных действий. Гитлер, занятый подготовкой похода на Восток, пока решил оставить Соединенные Штаты в покое и запретил германским подводным лодкам нападать на американские суда. 20 января 1941 г. он объяснил Муссолини: «Я не вижу большой опасности со стороны Америки, даже если она вступит в войну. Значительно более серьезную угрозу представляет громадная Россия». Решение фюрера мало устраивало командование германского флота: американцы уже создали помехи для неограниченной подводной войны в Атлантике. 4 февраля 1941 г. командующий германским флотом адмирал Редер представил Гитлеру меморандум, в котором протестовал против запрещения атаковать американские суда. Он указал, что даже вступление США в войну может «оказаться полезным для военных усилий Германии», ибо в таком случае Япония воспользуется обстановкой и нанесет удар на Тихом океане. 10 апреля произошло первое столкновение: американский эсминец безрезультатно сбросил глубинные бомбы на немецкую подводную лодку. 22 мая Редер явился к Гитлеру с новым меморандумом, отстаивая активные действия. Гитлер ответил, что «считает позицию президента США все еще неопределенной. Нельзя допустить никаких инцидентов, которые могут повлечь вступление США в войну»⁸.

Действительно, с весной поведение Рузвельта стало чрезвычайно загадочным. В связи с принятием ленд-лиза и непосредственно после этого ФДР произнес немало резких слов в адрес держав фашистской «оси». Было естественным предположить, что за ними последуют дела. Однако Рузвельт больше не касался этой темы и испытывал терпение многих своих советников, никак не реагируя на их внушения, что времена, когда было достаточно «любой помощи, за исключением войны», канули в прошлое.

14 мая должно было состояться традиционное выступление президента по случаю «панамериканского дня». В стране и за рубежом его напряженно ждали. Распространялись самые разнообразные слухи о том, что может сказать ФДР,— он молчал уже около двух месяцев. Накануне «панамериканского дня» С. Эрли от имени Рузвельта сообщил журналистам, что не следует придавать особого значения этой речи. Неожиданно

⁷ Р. Шервуд. Указ. соч. Т. I, стр. 440.

⁸ W. Shiger. Op. cit., pp. 1077—1083.

данно Рузвельт и вовсе отменил выступление, сказавшись больным. Историкам позволено высказать догадку: нападение на Советский Союз по первоначальному варианту «плана Барбаросса» было назначено на 15 мая 1941 г.; в Белом доме, несомненно, знали об этом, но могли не знать, что Гитлер в конце апреля перенес срок на 22 июня. «В эти дни середины мая,— вспоминал Р. Шервуд,— Рузвельт проводил много времени в постели и редко заглядывал в свой рабочий кабинет. Он сказал, что это одно из самых упорных простудных заболеваний, какие он когда-либо переносил. Однажды после долгой беседы с ним у него в спальне я вышел и сказал Мисси Лихэнд: «Мне кажется, что у президента хороший вид. Он не кашлял, не чихал и даже не сморкался ни разу, пока я был там, и выглядел прекрасно. Что с ним на самом деле?» Мисси улыбнулась и сказала: «Больше всего он страдает от своей раздражительности...». Мало кому разрешалось видеть президента в эти дни. В Вашингтоне многие высокопоставленные лица проявляли нервозность, недоумевая о причинах такой недоступности и задаваясь вопросом, какой курс возьмет президент, когда покончит со своим творчеством. Те из нас, кто в это время находился в Белом доме, испытывали на себе чрезвычайно лестное внимание должностных лиц, надеявшихся, что мы можем что-нибудь передать ему или обратить внимание на какой-нибудь меморандум, видимо, лежавший в его корзине для входящих бумаг. Я докладывал Гопкинсу о просьбах, казавшихся мне наиболее важными, с которыми обращались даже ко мне. Каждый раз он говорил мне: «Забудьте об этом»⁹.

Рузвельт ждал. А обстановка продолжала оставаться неопределенной. В Англию прилетел Гесс, английское правительство вело с ним какие-то переговоры. Немецкие парашютисты высадились на Крите, очевидно, пробиваясь на Ближний Восток. 24 мая пришли известия, что германский линкор «Бисмарк», считавшийся самым мощным военным кораблем в мире, вырвался на просторы Атлантики. По поводу целей его рейда строились самые сенсационные предположения. Ожидалось, в частности, что линкор может появиться в Карибском море. Президент мучительно обдумывал, что можно сделать. Привлекут ли его к суду, если отдать приказ американскому флоту атаковать и потопить «Бисмарк»? В Белом доме ожидали со дня на день, что Ч. Линдберг, один из лидеров «изоляционистов», потребует открытого мятежа против правительства. 26 мая английские корабли обнаружили и потопили «Бисмарк». Рузвельту немедленно сообщили радостное известие, он сказал об этом сидевшим в кабинете, и «в его голосе не могло быть больше удивления, если бы он сам выпустил торпеду»,— заметил С. Розенман.

Вечером 27 мая Рузвельт наконец произнес отложенную речь. Он занял место за маленьким столом, на котором стояли микрофоны, в Восточном зале Белого дома. Перед ним на неудобных позолоченных стульях сидели дипломатические представители американских стран со своими семьями — они пришли на официальный прием, первым угощением на котором оказалась длинная речь. Стояла удушающая жара, гости ерзали на своих местах и не выражали заметного восторга: президент обращался не к ним, а к народам мира. А вокруг Белого дома в полумраке бродили мрачные фигуры — «изоляционисты» пикетировали резиденцию президента, вооруженные плакатами с призывами не допустить вступления страны в войну. Президент заверил, что Соединенные Штаты будут оказывать помощь всем, кто «силой оружия сопротивляется гитлеризму или его эквиваленту». Он обосновывал этот курс потребностями национальной безопасности США. «Теперь,— говорил он,— мы знаем достаточно и понимаем, что было бы самоубийством ожидать, когда нацисты появятся на нашем парадном дворе. Если враг нападает на вас в танке или самолете, а вы не открываете огонь до тех пор, пока не различите цвета его глаз, вы никогда так и не узнаете, чем убиты. Наш Банкер Хилл (место, где под Бостоном произошло решительное сражение во время освободительной войны американского народа в XVIII в.— Н. Я.) завтра может оказаться в нескольких тысячах миль от Бостона». Президент объявил, что в США вводится «неограниченное чрезвычайное положение»¹⁰. Речь 27 мая была примечательна во многих отношениях — ФДР не упомянул ни о Советском Союзе, ни о Японии. Раньше он широко пользовался словом «диктатура», теперь ограничился ссылками на «ось». Нако-

⁹ Р. Шервуд. Указ. соч. Т. I, стр. 482—483.

¹⁰ S. Rosenman. Working with Roosevelt. New York. 1952, p. 242.

нец, из числа упомянутых в проекте речи стран, над которыми, по словам президента, «опустилась ночь», была исключена в окончательном тексте Финляндия.

Выслушав выступление президента, гости поспешили в сад. Рузвельт остался лицом к лицу с толпой кинооператоров. Вспыхнул ослепительный свет, вновь зазвучал голос президента — он повторял наиболее внушительные места речи для кинохроники. Затем президент уединился с родственниками и немногими гостями. Популярный композитор И. Берлин развлекал их игрой на рояле и пел. На следующий день на пресс-конференции ФДР небрежно отмахнулся от вопросов о том, собирается ли он изменить закон о «нейтралитете» и отдать приказ о конвоировании судов в Атлантике. Казалось, что мелодии И. Берлина полностью изменили настроение президента: он был легкомыслен и благодушен. Впечатление от сурового выступления начисто рассеялось. Гопкинс и другие не могли понять президента. Рузвельт знал, что страна горячо откликнулась на его речь 27 мая. Общественное мнение далеко обогнало президента. Никто не мог взять в толк, почему Рузвельт не подкрепляет слова делами.

Между тем за непроницаемым фасадом Белого дома шла напряженная работа: уточнялась и согласовывалась политика США после нападения Германии на СССР, шел обмен шифрованными телеграммами с Лондоном. Госдепартамент сформулировал политику США в этом случае так: «А. Мы не предпринимаем никаких шагов к сближению с Советским Союзом. Б. Если Советское правительство предпримет такие шаги, мы отнесемся к этому сдержанно... В. Наша политика заключается в том, чтобы не идти на уступки Советской России, которые она может предложить с целью улучшения американо-советских отношений. Если же мы пойдем на них, то потребуем компенсации в полном объеме»¹¹. 14 июня точка зрения госдепартамента была сообщена Лондону. На следующий день Черчилль писал Рузвельту, что «в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию». Черчилль указывал, что Англия окажет «русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нужно разбить, — Гитлер. Я не ожидаю какой-либо классовой политической реакции здесь и надеюсь, что германо-советский конфликт не создаст для вас никаких затруднений». 21 июня госдепартамент доложил правительству, что в случае советско-германской войны нужно помнить следующее: «Тот факт, что Советский Союз сражается с Германией, не означает защиту принципов международных отношений, которых придерживаемся мы, борьбу за них или согласие с ними»¹². Руководители американской дипломатии крайне сдержанно отнеслись к возможности оказания материальной помощи Советскому Союзу.

Однако голос профессиональной дипломатии не всегда учитывался Рузвельтом. К тому времени президент привык вести дела в обход госдепартамента, а Гопкинса стали называть «личным министерством иностранных дел Рузвельта». Переписка между Рузвельтом и Черчиллем, по существу, шла через Гопкинса. Хэллу зачастую приходилось довольствоваться, хотя он никак не мог привыкнуть к этому, копиями документов с лаконичной сопроводительной запиской Гопкинса «направляется для Вашего сведения». Внешняя политика стала в значительной степени личным делом президента. Рузвельт не стал доверять свой ответ Черчиллю телеграфу, а вызвал американского посла в Англии Вайнанта, находившегося тогда в США, и приказал ему немедленно вылететь в Англию. ФДР поручил послу передать Черчиллю, что он немедленно публично поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника».

20 июня Рузвельт направил послание конгрессу по поводу потопления немцами первого американского торгового судна «Робин Мур» (ФДР не хотел выступать с речью). «Мы не уступим и не собираемся уступать», — декларировал президент. А практически? Он вновь отклонил предложение нескольких членов правительства приступить к эскортированию судов в Атлантике. 21 июня адмирал Редер добился приема у Гитлера. В отношении США, взывал адмирал, «твердые меры более эффективны, чем уступчивость». Гитлер в принципе согласился, однако указал: «До тех пор, пока операции по «плану Барбаросса» не станут успешно разворачиваться, нужно избегать любых ин-

¹¹ W. Langer and S. Cleason. The Undeclared War 1940—1941. New York. 1954, p. 530.

¹² «F. R. 1941». Vol. I, p. 766—767.

цидентов с США. Обстановка прояснится через несколько недель»¹³. Германский флот и авиация получили подтверждение приказа не нападать на американские корабли.

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия начала войну против Советского Союза. Первой мыслью Гопкинса было: «Проводившаяся президентом политика поддержки Великобритании действительно окупилась. Гитлер повернул налево». Так вот оно что! Вот скрытый смысл заявлений Вашингтона о том, что Англия — первая линия обороны Соединенных Штатов! В Лондоне Черчилль в тот же день выступил по радио с заявлением, что Англия поможет СССР, исходя из принципа, объясненного им накануне вечером в тесном кругу: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин». В Вашингтоне 23 июня и. о. государственного секретаря С. Уэллес передал печати правительственное заявление: «Для Соединенных Штатов принципы и доктрины коммунистической диктатуры столь же нетерпимы и чужды, как принципы и доктрины нацистской диктатуры... По мнению правительства США, любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, независимо от их происхождения ускоряет конец нынешних германских руководителей и тем самым будет способствовать нашей собственной обороне и безопасности». Рузвельт, утвердивший заявление, приписал к нему заключительную фразу: «Гитлеровские армии — сегодня главная опасность для Американского континента»¹⁴.

Нападение Германии на Советский Союз вызвало всеобщее облегчение в руководящих кругах США, хотя разные группировки извлекли из этого различные выводы. Крайне реакционные силы, в авангарде которых шли «изоляционисты», громогласно требовали, чтобы США остались целиком и полностью в стороне от германо-советской войны. Сенатор Кларк высказался: «Речь идет всего-навсего о грызне собак... нам нужно заниматься своими делами». У. Буллит предложил американцам рассматривать конфликт как битву между «Сатаной и Люцифером». «Бог мой! — воскликнул сенатор Х. Джонсон на трибуне сената. — Неужели мы падём так низко, что будем выбирать между двумя разбойниками?» В основе этой позиции лежал антикоммунизм, да, впрочем, реакционные деятели не считали необходимым скрывать свои мотивы. Сенатор Тафт откровенно заявил: «Победа коммунизма в мире будет более опасна для США, чем победа нацизма». 25 июня вашигтонская газета «Таймс-Геральд» цинично писала: в случае победы Советского Союза «рухнет вся структура контролируемой Гитлером Европы и не останется ничего, что может сдержать коммунизм в пределах России».

Однако ведущие органы буржуазной печати не разделяли эту точку зрения. 25 июня «Нью-Йорк Таймс» указывала: «Нет никаких сомнений в том, что быстрая и полная победа Германии в России явится громадной катастрофой для Англии и Америки... США окажутся под угрозой с двух океанов». «Нью-Йорк Геральд Трибюн» 10 июля: если США останутся в стороне от германо-советской войны, то это будет выгодно только Гитлеру, ибо, провозглашая, что он руководствуется только антикоммунизмом, фашистский диктатор стремится вызвать «паралич воли» в США.

Американский народ в целом выражал солидарность с Советским Союзом в войне и желал ему успеха. Проведенный опрос общественного мнения показал: 72% высказались за победу СССР, 4% — за победу Германии, 17% не видели разницы, остальные не выразили своего отношения. Мужественные защитники демократии, американские коммунисты 29 июня обратились к стране с заявлением: «Давайте защитим Америку оказанием всесторонней помощи Советскому Союзу, Великобритании и всем народам, сражающимся против Гитлера»¹⁵.

24 июня Франклин Д. Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что Соединенные Штаты окажут помощь СССР, однако приоритет в получении ее остается за Англией.

¹³ W. Shiner, Op. cit., p. 1112.

¹⁴ «F. R. 1941». Vol. I, p. 768.

¹⁵ W. Foster. History of the Communist Party of the United States. New York. 1952, p. 408.

Он отказался ответить на вопросы, является ли оборона СССР важной и для США и будет ли распространен на него ленд-лиз. В тот же день в «Нью-Йорк Таймс» появилось заявление сенатора Г. Трумэна, являвшегося известным ревностным сторонником администрации: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах». Отражало ли последнее заявление эксцентричные взгляды сенатора или оно соответствовало видам администрации? Удовлетворительный ответ на этот вопрос может дать только анализ большой стратегии американского империализма. Лишь на этих путях можно понять и мотивы политики Рузвельта по отношению к Советскому Союзу с началом Великой Отечественной войны советского народа.

После 22 июня 1941 г. в войне друг с другом оказались все великие державы мира, за исключением Соединенных Штатов и Японии. Официально сохранявшие нейтралитет США связывали свою судьбу с антигитлеровской коалицией, а Япония — с державами «оси». Сроки их вступления в войну прямо зависели от развития гигантского военного конфликта на востоке Европы. В Вашингтоне не питали ни малейших иллюзий относительно позиции Японии, руководители американского правительства знали и о том, что крайние милитаристские группы в Токио торопили с открытием боевых действий, хотя так и не могли решить, какому направлению агрессии отдать предпочтение: против СССР или в сторону стран южных морей. Конечное решение японских милитаристов зависело, и в этом ясно отдавали себе отчет Рузвельт и Хэлл, от результатов «блицкрига» против Советского Союза. В сложившейся обстановке американское правительство стремилось избежать вовлечения в боевые действия в Европе, чтобы иметь руки свободными. Ясное осознание этого в Токио должно было отбить охоту у японских милитаристов посягать на интересы США на Дальнем Востоке и Тихом океане. Таким путем Соединенные Штаты надеялись предотвратить американо-японский конфликт. Агрессия Японии была бы направлена против других государств, в конечном итоге все крупнейшие державы мира оказались бы ввергнутыми в войну, а Соединенные Штаты находились бы вне военного пожара, оказывая помощь противникам держав «оси», но формально оставаясь нейтральными. С точки зрения американских политиков, такой исход дал бы возможность впоследствии продиктовать лежащему в развалинах миру свою волю. Оставалось претворить заманчивые планы в жизнь, а для этого нужно было четко определить политику в отношении войны в Европе и оценить ее вероятные последствия для Японии. Летом и осенью 1941 г. в руководящих политических и военных кругах США разгорелся яростный спор.

Командование американских вооруженных сил, ожидавшее скорого поражения СССР, считало, что Соединенные Штаты должны не упускать драгоценного времени, пока силы вермахта отвлечены на восток, и без промедления вступить в войну. Не прошло и двух суток после нападения Германии на СССР, как к президенту явился главнокомандующий военно-морских сил США адмирал Старк и потребовал санкции на эскортирование американскими кораблями конвоев, следовавших в английские порты. Это, предупредил Старк, «наверняка вовлечет нас в войну, но я считаю каждый день проволочки с вступлением в нее опасным». Старка поддержал морской министр Нокс, который писал 24 июня президенту: «Гитлер нарушил собственное решение не воевать одновременно на двух фронтах. Наиболее компетентные люди считают, что Гитлеру понадобится от шести недель до двух месяцев, чтобы расправиться с Россией. На мой взгляд, мы не можем упустить этого времени, не нанеся сильнее удара, и чем быстрее, тем лучше». Не менее энергично в меморандуме президенту высказался военный министр Стимсон: «Нам нужно действовать быстро и преодолеть первоначальные трудности прежде, чем Германия высвободит ноги из русской трясины». Министр внутренних дел Икес предложил Рузвельту без промедления ввести эмбарго на вывоз нефти в Японию, что «даст возможность не только эффективно, но и легко вступить в эту войну... Если мы не сделаем этого сейчас, то, когда придет наш черед, мы не будем иметь в мире ни одного союзника»¹⁶. Все эти рекомендации были отвергнуты Белым домом.

¹⁶ W. Langer and S. Gleason, Op. cit., p. 538.

9 июля Рузвельт отдал директиву изучить «немедленно общие производственные потребности, которые необходимы для нанесения поражения нашим потенциальным врагам». С июля по сентябрь высшие военные и гражданские ведомства в Вашингтоне были заняты обширным комплексом исследований — разработкой «Программы победы». Профессиональные военные горячо взялись за дело. Они доказывали, что Соединенным Штатам необходимо скорее поднять оружие против европейских держав «оси». В тщательно разработанных документах американские штабы указывали, что силы Германии будут убывать в войне с СССР примерно до середины 1942 г., а затем СССР «станет практически бессильным». Тогда Германия, консолидировав свои захваты, быстро усилится и к середине 1943 г. будет непобедимой. В результате возникнет смертельная угроза для западного полушария. Американский генералитет считал, что без вступления США в войну европейские противники Германии не смогут нанести ей поражения. Формулируя окончательные выводы, генерал Маршалл и адмирал Старк 11 сентября доложили президенту мнение командования вооруженных сил: «Мы должны быть готовы воевать с Германией, вступив в боевое соприкосновение с ее силами, и решительным образом сломить ее волю к борьбе. Авиация и флот вносят свой важный вклад, однако для того, чтобы сблизиться с врагом и уничтожить его в собственной цитадели, нужны эффективные и достаточные вооруженные силы». Штабы предложили создать для этой цели армию в размере 215 дивизий, из них 61 танковой.

Предложения военных шли вразрез с планами правительства. Рузвельт не разделял пессимистических оценок профессиональных военных относительно способности СССР выстоять перед лицом фашистского нашествия. В конце июля 1941 года он направил в Москву Гопкинса, который 30—31 июля вел переговоры с Советским правительством. Посланец Рузвельта на месте убедился в громадных силах СССР. Во время переговоров было принято решение о том, что в Москве будет проведена трехсторонняя конференция для уточнения вопросов взаимной помощи. ФДР знал, что Советский Союз удержит фронт. Рузвельт полагал, что не вступление в войну, а политика, воплощенная в звонкой фразе «арсенал демократии», наилучшим образом отвечает интересам правящих кругов США. Президент считал, что основная задача Соединенных Штатов — помощь вооружением и снаряжением противникам держав «оси», а не участие в войне. Поскольку на СССР лежало основное бремя военных усилий в коалиционной войне, постольку ему следовало оказывать наибольшую поддержку. 30 августа Рузвельт отдал директиву военному министру: «Я считаю делом первостепенной важности для безопасности Америки, чтобы вся возможная в разумных размерах помощь была оказана России». Президент указывал, что точные размеры поставок Советскому Союзу будут определены на трехсторонней конференции в Москве. Директива Рузвельта вызвала большое замешательство среди американских военных: исходя из «Программы победы», они уже рассчитали, что 80% военного производства США пойдет на собственные нужды, а 20% — на помощь другим государствам. Стало ясно, что американская армия не может быть развернута в предложенных размерах. 22 сентября на заседании в Белом доме было решено передавать начиная с марта 1942 г. большую часть вооружения, производимого в США, противникам гитлеровской Германии. Политика Рузвельта «арсенал демократии» восторжествовала. Правительство США собиралось воевать чужими руками. Командование вооруженных сил осталось недовольным решением правительства. Стимсон поставил под сомнение тезис президента, что роль США в войне должна ограничиться «предоставлением вооружения, транспортных средств и помощи морским флотом». 23 сентября в меморандуме президенту он сослался на мнение командующих армией и вновь подчеркнул: «Если США не примут участия в войне, Англия и ее союзники не смогут нанести поражения Германии, а сопротивление Англии не будет бесконечным, какие бы усилия в области промышленного производства мы ни приложили». Новое обращение военного министра осталось без внимания. Правительство США, уже наметившее, как казалось в Вашингтоне, наиболее верный путь — остаться в стороне от войны в Европе, полагало, что это поможет решить другую задачу — избежать вооруженного столкновения с Японией. Как известно, решить задачу не удалось. 7 декабря 1941 г. Япония напала на США.

11 декабря 1941 г. в Берлине собрался германский рейхстаг. Послушные депутаты явились, чтобы выслушать речь «фюрера германского народа». Хотя немецкие армии как раз в это время терпели тяжкие поражения под Москвой, Гитлер считал возможным посвятить два дня подготовке речи в рейхстаге. 11 декабря он объявил войну Рузвельту, не на жизнь, а на смерть. Особенность фашистской философии в том, что ее творцы обычно «знают» ответы на все вопросы. Гитлеру казалось, что ему было все ясно. Причина войны, открыл он рейхстагу, — в провале внутренней политики Рузвельта: «Все рузвельтовское законодательство нового курса было ошибочным. Нет никакого сомнения в том, что продолжение этой экономической политики в мирное время привело бы к краху президента, несмотря на его дьявольское искусство. В европейском государстве он в конце концов предстал бы перед судом по обвинению в умышленном расточении национальных богатств». С изощренной демагогией Гитлер апеллировал через океан к противникам Рузвельта в Соединенных Штатах. «Все это поняли и полностью оценили многие американцы, в том числе высокопоставленные. Угрожающая оппозиция собралась над головой Рузвельта. Он сообразил, что единственное спасение — отвлечь внимание народа от внутренней к внешней политике»¹⁷. Несомненно, Гитлер рассчитывал на то, чтобы добиться раскола общественного мнения в США, усилив антирузвельтовские настроения. В таких красках изобразил фюрер причины войны между Германией и Соединенными Штатами, представляя ее как личный конфликт с Рузвельтом. Официальное объявление войны, состряпанное в германском министерстве иностранных дел, формулировалось в аналогичных терминах, чтобы немцы поняли: они вступают в вооруженную борьбу не с американцами, а с Франклином Д. Рузвельтом. Нацистскую пропаганду давно отмечало стремление лгать по-крупному.

В ответ на объявление 11 декабря войны Соединенным Штатам Германией и Италией Рузвельт попросил конгресс признать состояние войны с этими странами, подчеркнув: «Давно известное и долго ожидавшееся случилось. Силы, стремящиеся поработить мир, ныне двинулись на наше полушарие». Конгресс удовлетворил просьбу президента. Когда сателлиты гитлеровской Германии (12 декабря — Румыния, а 13 декабря — Венгрия и Болгария) объявили войну США, ФДР отнесся к этому с известным чувством юмора. Только через полтора месяца, 31 января 1942 г., президент рекомендовал Хэллу передать декларации этих стран в комитет конгресса по иностранным делам «для информации». К деловому письму государственному секретарю президент присовокупил шутовскую приписку: «Если бы это наделал мой внучок Джонни, он бы добавил — ну и что из этого!»¹⁸. Президент, вероятно, пребывал в отличном настроении: от Вашингтона до Европы далеко. Но в тучах фашистской саранчи, опустившейся на западные области СССР, были румынские, венгерские и финские солдаты. Вместе с вермахтом они сражались против СССР. Лишь 5 июня 1942 г. США объявили войну Румынии, Венгрии и Болгарии, а с Финляндией никогда так и не были в состоянии войны.

Вступление Соединенных Штатов в войну не вызвало патриотического подъема, сходного хотя бы с тем, что было в 1917 году. Хотя «изоляционисты» в своем большинстве немедленно сплотились вокруг правительства, в стране не без их участия получил хождение тезис: Рузвельт «обманом вовлек нас в войну, ибо не имел политической смелости вести нас». Парадов почти не устраивали, патриотических манифестаций было мало. Народ, естественно, негодовал по поводу Пёрл-Харбора, требовал отомстить военным лордам Токио, но в целом имел относительно смутное представление о целях вооруженной борьбы. Рузвельт предложил звучный лозунг: «Война за то, чтобы выжить». Враги президента в пику ему заявили, что уместнее назвать ее «Моя (Рузвельта.— Н. Я.) война». Тщательный опрос общественного мнения в самом начале 1942 г. продемонстрировал крайнее смятение умов. 26% опрошенных дали ответ — война за освобождение мира, 14% — освободительная война, 13% — война за свободу, 11% — война против диктаторов, 9% — война за челове-

¹⁷ W. Shirer. Op. cit., pp. 1173—1175.

¹⁸ «F. R. 1942, Europe». Vol. 2, p. 834.

ство, 7% — солидаризировались с ФДР: «война за то, чтобы выжить», 6% — народная война, 5% — антифашистская война, 5% — тотальная война и 4% — война за освобождение¹⁹. Преобладали все же мессианские лозунги, большей части американцев очень хотелось видеть себя спасителями мира.

Враги в форме находились пока далеко, но под рукой были те, кого средний американец считал союзниками микадо, — японцы, проживавшие в США. Они жили в штатах, прилегающих к западному побережью, главным образом в Калифорнии, — всего 112 тыс. человек, из них 71 тыс. имела американское гражданство. Уже в первые дни войны ФБР арестовало 1 266 японцев как «подозрительных». Стопроцентным и бдительным патриотам этого казалось мало: они шумно требовали репрессировать всех без исключения японцев. В военном министерстве составили подробные планы заключения их поголовно, включая женщин и детей, в концентрационные лагеря. Дело оставалось за санкцией президента. Рузвельт, занятый по горло текущими военными делами, не имел времени рассматривать объемистые досье. Он решил дело просто и оперативно. 11 февраля президент по телефону отдал соответствующий приказ военному министру Стимсону. Судьба более чем 100 тыс. человек, из них свыше 60 тыс. женщин и детей, была решена в ходе одного телефонного разговора! В отдаленных местностях США были сооружены концентрационные лагеря, куда за колючую проволоку американские солдаты загнали несчастных людей. 18 марта ФДР создал Военную переселенческую администрацию для управления ими во главе с М. Эйзенхауэром. Патриоты вздохнули полной грудью: Америка спасена от внутренней угрозы. Президент, однако, заботился о безопасности и аванпостов. Он выдвинул план — согнать более чем сто тысячное японское население Гаваев на один островок или выслать его в США. Ближайшее знакомление с проблемой показало, что план Рузвельта нереален: не было необходимого тоннажа, а на Гавайских островах требовались рабочие руки. Рузвельт неохотно отступил, только 2 тыс. «подозрительных» были высланы в США.

В начале мая 1942 г. министерство юстиции представило президенту подробный доклад о результатах расследований в связи с депортацией японцев в концентрационные лагеря. У них было конфисковано 2 600 револьверов, 1 500 радиоприемников, 3 000 фотоаппаратов. Однако, указывалось в докладе, «мы не обнаружили в ходе операции каких-либо опасных лиц, о которых мы не могли узнать другими путями. Мы не считаем, что конфискованный динамит или порох предназначались для каких-либо диверсий. Мы не нашли ни одного пулемета или револьвера в таких обстоятельствах, которые заставили бы предположить, что данный револьвер будет использован на пользу врагу. Мы не обнаружили ни одного фотоаппарата, в отношении которого можно было бы заподозрить, что он предназначен для шпионских целей»²⁰. Рузвельт внимательно ознакомился с докладом, но это не изменило судьбы заключенных. Всю войну они пытались жаловаться на свою печальную участь. Когда одна из жалоб достигла Верховного суда, его большинство в решении 18 декабря 1944 г. записало: «Мы считаем несправедливым называть переселенческие центры концентрационными лагерями в мрачном смысле этого термина». (Судья О. Робертс, оставшийся в меньшинстве, все же отметил: «Так называемые переселенческие центры — эвфемизм для концентрационных лагерей».) По-иному думали невинно репрессированные люди. В начале 1945 г. 5 766 американцев японского происхождения, доведенные до отчаяния издевательствами в одном из лагерей, демонстративно отказались от гражданства США. Об их бедах и вообще о том, как именно в действительности страна готовилась к бою, стало известно много лет спустя — одним из первых действий президента после Пёрл-Харбора было создание 19 декабря 1941 г. Управления цензуры. Печать и радио попали под жесткий контроль.

В начале января 1942 г. у Рузвельта собрались привлеченные для подготовки ежегодного послания конгрессу. Адъютант сообщил, что генеральный прокурор Фрэнсис Ф. Биддл явился с каким-то докладом. Рузвельт улыбнулся и обратился

¹⁹ T. Bailey. The Man in the Street. The Impact of American Public Opinion on Foreign Policy. New York. 1948, p. 189.

²⁰ S. Conn and others. Guarding the United States and its outposts. Washington. 1964, pp. 115—148, 214.

к присутствующим: «Фрэнсис ужасно обеспокоен гражданскими правами, особенно теперь. Он буквально оседлал меня, требуя не ограничивать их. Вы не смейтесь, не выдавайте меня, а я проучу его». Вошел Биддл. Президент серьезно, почти торжественно произнес:

«Фрэнсис, вы кстати. Мы как раз обсуждали вопрос о гражданских правах во время войны, и я решил издать прокламацию, текст которой надлежит подготовить вам, отменяющую в значительной степени свободу слова и печати в военное время. Жаль, конечно, но я убежден, что это абсолютно необходимо, и я хочу объявить об этом в своем послании»²¹. Биддл расширившимися глазами оглядел присутствовавших. Все промолчали. Тогда он вскочил и произнес горячую речь в защиту буржуазных свобод. Рузвельт дал ему выговориться и только затем прервал, сказав, что пошутил. Разволновавшийся генеральный прокурор не очень поверил президенту. Во всяком случае, он задержался в кабинете, чтобы присутствовать при подготовке послания. Коротко говоря, ФДР считал, что начавшаяся война — дело серьезное и игра в демократию во время нее неуместна. Адмирал У. Леги, вскоре назначенный председателем комитета начальников штабов, доверительно довел до сведения американских командующих: президенту нравится титул «главнокомандующий вооруженных сил» и он не хочет, чтобы его именовали по-иному²².

Хотя война была очень далеко от берегов США, Ф. Рузвельту, очевидно, нравилась обстановка таинственности, созданная секретной службой вокруг него. Редкие поездки Рузвельта по стране в интересах безопасности хранились в тайне, его выступления во время их не освещались ни печатью, ни радио. Вокруг ФДР теснилась многочисленная сверхбдительная охрана. Во время посещения верфи Кайзера осенью 1942 г. Рузвельт выступил на двадцатитысячном митинге рабочих. «Знаете,— сказал он в микрофон,— предполагается, что меня здесь нет». Всеобщее оживление. Переждав несколько мгновений, ФДР продолжал: «Вы обладаете тайной, которую не знают даже газеты Соединенных Штатов. Я надеюсь, что вы сохраните эту тайну, ибо я действую согласно военным и морским приказам и предполагается, что мои выступления и передвижения, подобно передвижениям корабля, который только что был спущен на воду, должны держаться в секрете».

С лета 1942 г. и все последующие годы Ф. Рузвельт часто ускользал из столицы, обычно в конце недели, в «неизвестном направлении». В ста километрах к северу от Вашингтона находился небольшой поселок, в прошлом юношеский летний лагерь. В войну он стал использоваться как центр для подготовки солдат морской пехоты. Эти бревенчатые домики ФДР и избрал в качестве своей резиденции, окрестив убежище от столичной суеты «Шангра Ла». Местонахождение Шангра Ла хранилось в строгой тайне. Туда выезжали в обычных автомобилях, номера которых периодически менялись. Большую часть времени в Шангра Ла ФДР отдыхал, а если приходилось решать дела, то из Вашингтона вызывались нужные люди. Рузвельта обслуживали моряки с президентской яхты «Потомак», поставленной на прикол в целях экономии. Все побывавшие в Шангра Ла соглашались, что, хотя обстановка там была очень скромной, кормили президента куда лучше, чем в Белом доме.

В военные годы, какие бы неприятные и тяжелые новости ни приходили с фронта, президент оставался невозмутимым. Казалось, ничто не могло поколебать душевного равновесия Рузвельта, за исключением одного: нападков на его детей. В ноябре 1943 г. Л. Джонсон в речи в палате представителей сообщил: «Чем больше мы узнаем о жизни и работе Рузвельта, тем большим уважением мы преесполняем не только к его посту, но и к человеку»²³. Л. Джонсон попросил включить в протоколы конгресса статью из журнала «Тайм» от 29 ноября 1943 года. В ней между прочим говорилось: «Рузвельт стал почти неуязвим для политической критики. Он редко, если вообще сердится, и это случается лишь тогда, когда кто-нибудь пытается уколоть президента, нападая на его детей. Тот факт, что четверо сыновей Рузвельта носят военные мундиры, помогает понять его крайнюю чувствительность к спискам потерь — о них он прежде всего спрашивает, когда приходит сообщение о сражении». Журналист

²¹ S. Rosenman. Op. cit., p. 327.

²² E. King and W. Whitehill, Fleet Admiral King. New York. 1952, p. 567.

²³ «Congressional Record». Vol. 89, p. A5141.

У. Винчелл видел, как ФДР расплакался. Это случилось, когда очередные грязные инсинуации по поводу семьи Рузвельта коснулись его сыновей. Некий конгрессмен Ламбертсон со своими друзьями публично твердил, что сыновья ФДР избегают фронта. Винчелл оказался в кабинете президента в то время, когда он читал письмо одного из сыновей. Там было сказано: «Папочка, иногда я мечтаю о том, чтобы кого-нибудь из нас убили, и тогда они, может быть, перестанут терзать остальную семью!» Прочитав эти строки, президент отложил письмо, губы его задрожали, на глазах показались слезы. Потрясенный Винчелл решил взять реванш. Он случайно выяснил, что сын Ламбертсона только что отказался служить в армии, ссылаясь на свои убеждения. Журналист немедленно сообщил газетам об этом открытии, соответствующие заголовки заpestрели на первых страницах. ФДР вызвал Винчелла. На столе перед президентом лежали газеты со статьями о сыне Ламбертсона. Рузвельт постучал по ним мундштуком и произнес только одно слово: «Благодарю!»

Американские штабы в конце июля — начале августа 1943 г. доложили президенту, что тянуть с открытием второго фронта больше нельзя. Попытки развить операции на Балканах приведут лишь к тому, что войска западных союзников завязнут там, а Красная Армия тем временем пройдет всю Европу, освободит не только Германию, но и Францию. 10 августа 1943 г. Стимсон обратил внимание ФДР на последствия тогдашней политики США: «В свете послевоенных проблем, перед которыми мы встанем, наша позиция... представляется крайне опасной. Мы, как и Великобритания, дали ясное обязательство открыть второй фронт. Не следует думать, что хоть одна из наших операций, являющихся булавочными уколами, может обмануть Сталина и заставить его поверить, что мы верны своим обязательствам». Рузвельт ответил Стимсону, что тот выразил выводы, к которым он, Рузвельт, сам пришел²⁴.

В августе 1943 г. в Квебеке была срочно созвана конференция Ф. Рузвельта и У. Черчилля. ФДР категорически высказался против «балканского варианта» второго фронта Черчилля. На совещании 23 августа Рузвельт особо подчеркнул: «Войска Объединенных Наций... должны быть готовы вступить в Берлин не позднее русских». Конференция вынесла решение о подготовке вторжения во Францию в 1944 году. Трезво оценив соотношение сил, сложившееся в антигитлеровской коалиции, американская делегация огласила на конференции документ, исходивший от «весьма высокопоставленного военного стратега США» и озаглавленный «Позиция России». Документ гласил: «По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не останется ни одной державы, которая могла бы противостоять огромным военным силам России. Правда, Великобритания укрепляет свои позиции на Средиземном море против России, что может оказаться полезным для создания равновесия сил в Европе. Однако и здесь она не будет в состоянии противостоять России, если не получит соответствующей поддержки. Выводы из вышесказанного ясны. Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь, и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы. Поскольку она, безусловно, будет занимать господствующее положение в Европе после поражения держав «оси», то еще более важно поддерживать и развивать самые дружественные отношения с Россией. Наконец, наиболее важным фактором, с которым должны считаться США в своих отношениях с Россией, является война на Тихом океане. Если Россия будет союзником в войне против Японии, война может быть закончена значительно быстрее и с меньшими людскими и материальными потерями. Если же войну на Тихом океане придется вести при недружественной или отрицательной позиции России, трудности неизмеримо возрастут и операции могут оказаться бесплодными»²⁵.

Ранней осенью 1943 г. руководящие круги США осознали крайне неприятный для себя факт: американские политические возможности были производными от воен-

²⁴ H. Stimson and M. Bundy. *On Active Service in Peace and War*. New York, 1948, p. 438.

²⁵ Р. Шервуд. Указ. соч. Т. 2. М. 1958, стр. 431—432.

ных возможностей. Если в квебекском документе эта мысль была выражена не слишком отчетливо, то в процессе подготовки к Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии она была детализирована. 18 сентября 1943 г. комитет начальников штабов утвердил инструкции генералу Дину, главе военной миссии при делегации США, отправлявшейся в Москву. Основная функция генерала Дина, указывалось в инструкциях, — подчеркивать главе делегации Хэлли «неразрывную связь между политическими предложениями и военными возможностями». Командованию американских вооруженных сил роль Советского Союза в ходе и исходе коалиционной войны представлялась следующим образом: «Оно считало, что после разгрома Германии могучая советская военная машина будет господствовать к востоку от Рейна и Адриатического моря и Советский Союз сможет осуществить любые желательные ему территориальные изменения в Центральной Европе и на Балканах. В то же время продолжение полного сотрудничества с СССР в войне против Германии было кардинально важно для достижения основных стратегических целей США — скорейшего разгрома Германии. Если бы Советский Союз вышел из войны, а германская военная машина осталась в основном в сохранности, англо-американские операции на континенте оказались бы неосуществимыми, и усилия в войне против Германии должны были бы ограничиться лишь воздушным наступлением. В равной степени полное участие СССР в войне против Японии после поражения Германии имело величайшее значение, чтобы добиться быстрого и решительного сокрушения Японии и меньшей ценой для США и Англии»²⁶. Отсюда согласованные решения на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии в октябре 1943 года. Ф. Рузвельт, политический реалист до мозга костей, понимал, что иного, кроме как сотрудничество с СССР, для Соединенных Штатов не дано.

13 ноября 1943 г. на линкоре «Айова» Ф. Рузвельт покинул США. Он отправился на конференцию с И. В. Сталиным и У. Черчиллем, созывавшуюся в Тегеране. На длительном пути, отнявшем почти три недели, президент совещался с начальниками штабов и своими советниками. На этих встречах под впечатлением побед Красной Армии были высказаны некоторые довольно трезвые мысли. Американский посол в Англии Вайнант 22 ноября 1943 г. указал, что, по мнению Черчилля и Идена, «интерес СССР к открытию второго фронта не столь велик, как раньше». Генерал Дин 24 ноября подчеркнул: «Советы ныне рассматривают второй фронт скорее как желательную страховку, а не как непосредственную необходимость»²⁷. 19 ноября под председательством Рузвельта на борту «Айовы» состоялось очередное совещание. Американские военные уже отвергли доводы Черчилля о расширении операций на Балканах. Рузвельт согласился с ними, объявив: «Советы ныне только в 60 милях от польской границы и в 40 милях от Бессарабии. Если они форсируют Буг, что они могут проделать в ближайшие две недели, Красная Армия окажется на пороге Румынии». Вновь и вновь Рузвельт обращается к своей излюбленной теме: США должны употребить все усилия, чтобы вместе с Англией занять большую часть Европы. «США, — говорил он, — должны взять северо-западную Германию. Мы должны доставить наши войска в такие порты, как Бремен и Гамбург, а также в Норвегию и Данию. Мы должны дойти до Берлина. Берлин должны взять Соединенные Штаты». На чем основывались эти планы Рузвельта? Ведь они были в кричащем противоречии с профессиональными оценками генералитета относительно перспектив в войне с Германией.

Ф. Рузвельт, по всей вероятности, надеялся на внезапную капитуляцию Германии в результате краха гитлеровского руководства. Оптимизм президента, судя по протокольной записи, побудил американских руководителей совершить приятную прогулку в Утопию: «Президент сказал, что он ожидает вторжения в Германию по железным дорогам, с небольшими боями или вообще без них. Генерал Маршалл заметил, что железнодорожных вагонов будет не хватать и поэтому придется использовать главным образом автомобильный транспорт. Г-н Гопкинс предложил, чтобы мы были готовы высадить авиадесантную дивизию в Берлине через пару часов после капитуляции Германии. Адмирал Леги... Во Франции, вероятно, развернется гражданская вой-

²⁶ M. Matloff. Strategic Planning for Coalition Warfare 1943—1944. Washington, 1959, pp. 292—293.

²⁷ «F. R. The Conferences at Cairo and Teheran, 1943», pp. 303, 328.

на. Пусть с ней справляются англичане. Для США будет значительно проще заняться осуществлением контроля в Германии. С немцами легче иметь дело, чем с французами в той хаотической обстановке, которую следует ожидать во Франции. Президент сказал, что мы вне всяких сомнений должны оставить несколько дивизий во Франции. Он считал, что Голландия не представляла собой проблемы, вернется королева, и все тут. Другое дело Бельгия, население которой говорит на двух языках»²⁸. Планы были составлены, дело оставалось за малым — добиться разгрома гитлеровской Германии, что зависело, однако, в основном от Советского Союза.

С зимы здоровье Рузвельта медленно, но неуклонно ухудшалось. Он таял на глазах, исхудал, все чаще и чаще на лице появлялось выражение отрешенности. ФДР много работал, однако теперь поток дел не приносил ему прежней радости. О беспощадном времени напоминала смерть близких людей. В декабре 1943 г. умер М. Макинтайр, летом 1944 г. скончалась парализованная с 1941 г. Мисси Лихэнд. Гопкинс, вышедший из госпиталя, очень ослабел и мог работать два-три часа в день. Бреш в кружке советников в какой-то мере заполнил С. Розенман: с 1943 г. он оставил свою должность в суде в Нью-Йорке и безотлучно находился при ФДР. Дочь Анна также постоянно работала с отцом. С 8 апреля по 7 мая Рузвельт отдыхал в имении Б. Баруха, в Южной Каролине. Там, полностью отрезанный от мира, — в доме, где жил ФДР, не было даже телефона, — он немного восстановил свои силы. Пока президент находился в отпуске, вашингтонская печать распространяла дикие слухи о состоянии его здоровья. Одни газеты утверждали, что президент перенес удар, другие — что он впал в слабоумие. Из «надежных источников» сообщали, что среди врачей, окружавших президента, два психиатра. Республиканцы в избирательной кампании 1944 г. связывали большие надежды с состоянием здоровья ФДР: они заявили, что больному инвалиду нельзя больше верить функции президента. Своим кандидатом они выставили энергичного губернатора штата Нью-Йорк Д. Дьюи.

В высшей степени опытный политик, ФДР знал, что шансы на успех на выборах невелики, если за кандидатом не стоит партийная машина. Боссы демократической партии предупредили его, что кандидатура Г. Уоллеса на пост вице-президента не желательна. Он выступал в последние годы слишком либерально. Когда председатель национального комитета партии Р. Ханнеган сообщил об этом ФДР, президент согласился. Но Рузвельт, верный манере не говорить в глаза горькую правду друзьям, никак не мог заставить себя объявить решение Уоллесу. Он послал объясняться с ним С. Розенмана и Г. Икеса. Беседы не получилось. Уоллес явился в Белый дом и потребовал сказать, в чем дело. ФДР слукавил: он ответил Уоллесу, что оставляет на долю конвента решить, кто будет кандидатом в вице-президенты, а вслед за встречей с Уоллесом направил письмо Ханнегану, в котором высказался против его кандидатуры. Вместе с партийными боссами ФДР наметил в вице-президенты сенатора Г. Трумэна. Он устраивал южных реакционеров, был известен в свое время как ревностный сторонник «нового курса», а его участие в первой мировой войне было очень уместно для военных выборов 1944 года. Трумэн, однако, согласился не слишком охотно. На конвенте в Чикаго он поддержал кандидатуру в вице-президенты Д. Бирнса. Уоллес не бездействовал: при первом туре голосования на конвенте он получил 430 голосов. Конвент в Чикаго был первым, за которым ФДР не наблюдал вплотную, — в это время он отправился в поездку на Гавайские острова. Когда ему доложили о поведении Трумэна, ФДР велел передать ему: «Если он хочет взорвать демократическую партию, пусть продолжает, но он, как и я, знает, в сколь опасном положении находится мир». До сознания Трумэна, «самого упрямого миссурийского осла»²⁹, как иной раз именовали его в партии, дошли доводы президента. 20 июля конвент выдвинул его кандидатуру в вице-президенты, за Уоллеса все же проголосовали 105 делегатов.

Выбросив за борт Уоллеса, Рузвельт, по всей вероятности, испытывал угрызения совести. Он капитулировал перед правым крылом. Летом 1944 г. ФДР втайне завязал

²⁸ Ibid., pp. 255—256.

²⁹ «Memoirs of Harry S. Truman». Vol. I. New York. 1955, p. 192.

сношения с У. Уилки. Розенману, действовавшему в качестве посредника между ними, президент сказал: «Я думаю, что пришло время для демократической партии избавиться от реакционных элементов с Юга и привлечь к себе либералов из республиканской партии, а Уилки — лидер этих либералов». Рузвельт предполагал провести на этих путях полную реорганизацию политических партий, завершив ее к 1948 году. Ибо, заключил он, «нет никакого сомнения, что реакционеры в нашей партии охотятся за моим скальпом»³⁰. Уилки согласился. Но обе стороны понимали, что неразумно проводить встречу накануне выборов, и решили вернуться к вопросу после ноября. Уилки не дождался выборов, а вслед за ним умер ФДР.

Визит Рузвельта на Гавайские острова был представлен как инспекционная поездка главнокомандующего. На деле она преследовала политические цели: генерал Д. Макартур обвинял правительство в том, что оно игнорирует нужды тихоокеанского театра. В свое время Макартур обещал вернуться во главе победоносных войск на Филиппины. Теперь другие командующие предложили обойти острова и ударить прямо по Японии. Макартур злобствовал. Принятие их плана генерал мог бы использовать как повод для отставки, обиженным героем явиться в США и принять участие в избирательной кампании. ФДР приехал на Гавайские острова, чтобы предотвратить такое развитие событий. Трехдневное напряженное совещание президента с командующими на Тихом океане закончилось тем, что ФДР вопреки военной логике поддержал Макартура. Американским войскам пришлось вскоре провести трудную кампанию на Филиппинах. Тщеславному генералу была предоставлена возможность произнести слова «Я вернулся!», а тысячи матерей в США получили извещения о гибели их сыновей на Филиппинах. Главное, с точки зрения ФДР, было достигнуто: опасный конкурент не появился на избирательной арене.

Посетив на обратном пути Аляску, ФДР в конце августа вернулся в США, когда предвыборная кампания республиканцев была в полном разгаре. Ф. Рузвельт негодовал на «этого мелкого типа» Д. Дьюи и заявил друзьям, что «идет самая грязная кампания в истории». Республиканцы заявляли, что правительство состарилось, и обещали в случае, если выберут Д. Дьюи, энергично, по-молодому вести государственные дела. В личных напаках президента они явно хватили через край, чем и воспользовался президент. Рузвельт, «усталый старик», как отзывался о нем Дьюи, показал, что он еще способен на многое. Он извлек из шкафа старую «счастливую» фетровую шляпу, которую носил в 1932, 1936 и 1940 гг., а из политического арсенала — вооружение. Конечно, Рузвельт чувствовал себя откровенно. Предшествующие три года он почти не пытался ходить; взбешенный же инсинуациями республиканцев, Рузвельт возобновил физические упражнения. Он стал надевать ортопедические приборы, но они плохо держались на исхудалых ногах, причиняли мучительную боль. Когда Розенман увидел Рузвельта, поддерживаемого врачом, с трудом передвигавшегося по спальне, он посоветовал президенту выступать только сидя. Так и было сделано, ФДР говорил, сидя в кресле, а к большой аудитории обращался с задней спинки открытого автомобиля.

В октябре 1944 г., когда Объединенные Нации одерживали успехи на всех фронтах, Рузвельт очень умело пустил в политический оборот вести о победах. 27 октября он выступил с автомобиля на громадном митинге в Филадельфии. Сославшись на то, что американские войска 20 октября высадились на Филиппинах, торжествующий Рузвельт спросил: «Так как же теперь с предположениями, высказанными несколько недель назад, о том, что я по политическим причинам не послал достаточно войск и припасов генералу Макартуру?» Указав на размах военных усилий США, ФДР отметил: «Это невероятное достижение того правительства, о котором говорят как о «старом, усталом и сварливым». Он часто рассказывал о том, что семья Рузвельтов живет теми же тревогами и волнениями, что и миллионы американцев, — четверо сыновей служат в армии и на флоте. В речи 5 октября ФДР, ведя полемику с республиканцами, сказал: «Я никогда не искал и не приветствую поддержки любого лица или группы, преданных коммунизму или фашизму или любой другой иностранной идеологии, которая подорвет американскую систему правления». На грандиозном митинге в Бостоне, где собралось 125 тыс. человек, Ф. Рузвельт говорил: «Выступая здесь, в Бостоне, рес-

³⁰ S. R o s e n m a n. Op. cit., pp. 463—464.

публиканский кандидат сказал (я точно цитирую по мсей старой привычке): «Коммунисты захватили контроль над новым курсом, и таким образом они намереваются установить контроль над правительством США». Однако в тот же день тот же кандидат говорил в Уорчестере: с победой республиканцев в ноябре «мы покончим с правлением одного человека и навсегда устраним угрозу монархии в США». Так кто я — коммунист или монарх?»³¹.

Так ФДР и провел свою кампанию. На будущее, после войны, он не скупился на обещания — занятия для 60 млн. человек, новые дома, дешевые автомобили и т. д. Чтобы продемонстрировать свою выносливость, в дождливый и ветренный день он проехал в открытом автомобиле легко одетый пятьдесят миль по улицам Нью-Йорка, запруженным народом. Едва ли видевшим его тогда приходило в голову, что ФДР не переживет нового срока, на который он просил народ переизбрать его. Победа на выборах в ноябре не была внушительной — ФДР собрал 25,6 млн., Дьюи — 22 млн. голов. Так мало он никогда не собирал.

Глубокой осенью и ранней зимой 1944 г. Соединенные Штаты и Англия внезапно встали перед очень трудным положением на фронтах. В Италии союзные войска завязли на германских оборонительных линиях, на западном фронте гитлеровцы 16 декабря нанесли внезапный удар в Арденнах, приведя в серьезное расстройство союзные армии. На Дальнем Востоке японцы, хотя и потерпевшие сокрушительные поражения на море, в конце года открыли самое большое наступление в Китае, стремясь создать предпосылки для затяжной войны. США и Англия, сосредоточившие свои усилия на создании воздушной мощи, стали ощущать острую нехватку сухопутных войск. США уже ввели в дело 87 дивизий из имевшихся 89 и остались без резервов. Оптимизм, который охватил Вашингтон ранней осенью, рассеялся. Было очевидно, что еще предстоят тяжелые бои. Правительства США и Англии обратились в Москву с просьбой о помощи. Начавшееся раньше срока по просьбе союзников — 12 января 1945 г. — наступление Красной Армии позволило им выправить положение на Западе. Но без тесного сотрудничества с СССР дальнейшее победоносное наступление было бы невозможно. Что касалось войны с Японией, то Макартур сообщил Вашингтону: для ее разгрома нужна помощь 60 советских дивизий. Назрела необходимость проведения новой конференции И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля, местом проведения которой была избрана Ялта.

Суровые ноты прозвучали в ежегодном послании конгрессу о положении страны 6 января 1945 года. «Стоит вопрос не о конечной победе, а о потерях. Наши потери будут велики», — предупредил ФДР. Президент потребовал решительно увеличить военную продукцию, запустить в производство новые виды вооружения, ввести всеобщую трудовую повинность в военных целях, а до принятия соответствующего закона немедленно направить в военную экономику четыре миллиона человек³². Принимая присягу президента 20 января, ФДР в короткой речи вспомнил своего школьного наставника Э. Пибоди, который учил: «Дела в жизни не всегда идут гладко». В будущем американцы должны помнить, что «мы одни не можем жить в мире, наше благополучие зависит от благополучия других... Как сказал Эмерсон, — единственный способ иметь друга, быть самому другом». 22 января ФДР втайне покинул США. Он направлялся в Ялту.

Правительственные ведомства подготовили для ФДР и американской делегации в Ялте «Памятку», в которой указывалось: «Мы должны иметь поддержку Советского Союза для разгрома Германии. Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе». Оценивая политическую обстановку в европейских странах, составители «Памятки» подчеркивали: «Все народы Европы охва-

³¹ Ibid., pp. 475—478.

³² Закон о всеобщей трудовой повинности, предусматривавший тюремное заключение и штраф для рабочих, самовольно оставивших работу на военных предприятиях, был принят палатой представителей 27 марта 1945 года. Окончание войны в Европе сделало его ненужным.

чены левыми настроениями и весьма сильно выступают за далеко идущие экономические и социальные реформы». Комитет начальников штабов, постоянно предупреждавший о тесной связи политических и военных возможностей США, еще 3 августа 1944 г. представил государственному секретарю новые рекомендации, которые были подтверждены накануне Ялтинской конференции. Комитет призывал к величайшей осмотрительности в отношениях с СССР, аргументируя это так: «После успешного завершения войны против наших нынешних врагов в мире произойдут изменения в соответственной военной мощи, которые можно сопоставить за последние 1500 лет только с падением Рима. Это решающий фактор для будущих политических решений и всех обсуждений политических вопросов... После разгрома Японии только СССР и США останутся первоклассными военными державами, что объясняется сочетанием географического положения с огромным военным потенциалом. Хотя США могут перебросить свои военные силы во многие районы мира, тем не менее очевидно, что сила и географическое положение этих двух держав исключают возможность военного поражения одной от другой, даже если к данной стороне присоединится Британская империя»³³. Ф. Рузвельт и У. Черчилль отчетливо представляли соотношение сил в антигитлеровской коалиции. Черчилль предложил зашифровать конференцию в Ялте кодовым названием «Аргонавт». По преданию, древнегреческие герои отправились в Колхиду за мифическим золотым руном. ФДР понял скрытый смысл. «Вы и я — прямые потомки аргонавтов», — сообщил он Черчиллю.

12 апреля 1945 г. истекла вторая неделя отдыха президента, из Гайд-парка он приехал в Уорм Спрингс. К 20 апреля он собирался вернуться в Вашингтон, а оттуда выехать в Сан-Франциско, где 25 апреля открывалась конференция Объединенных Наций. Он с привычным энтузиазмом осматривал Уорм Спрингс. Прогулки в автомобиле, планы благоустройства курорта и бесконечные дела. Президентская почта 12 апреля запоздала. Б. Хассетт осведомился у президента, подпишет ли он бумаги утром или отложит на вторую половину дня. «Нет, давайте их сюда, Билл». Рузвельт подписывал бумаги у громадного камня, Хассетт терпеливо стоял рядом, ожидая окончания процедуры. Рузвельт взглянул на него снизу, улыбнулся и повторил свою излюбленную шутку: «Вот так я и делаю законы». Он только что подписал закон о продлении срока действия товарно-кредитной корпорации. Около часа дня Хассетт ушел, оставив несколько документов, которые Рузвельт хотел прочитать.

В комнату вошла художница Елизавета Шуматова. По договоренности с Рузвельтом она писала его портрет. Шуматова установила мольберт, Мягкие лучи раннего для этих мест летнего солнца освещали комнату, блики от отделанных стеклом панелей бросали причудливый свет. Рузвельт погрузился в чтение, художница спокойно работала. На диване тихо сидели племянницы Рузвельта — Сакли и Делано. Внесли столик для ленча. Рузвельт оторвался от бумаг и сказал Шуматовой: «Нам осталось для работы пятнадцать минут». Она кивнула головой и продолжала писать. Внезапно Рузвельт побледнел и проговорил: «У меня ужасно болит голова». То были последние слова Рузвельта. Он потерял сознание и скончался через два часа.

Соединенные Штаты потеряли своего президента, ушла в прошлое целая эпоха в американской истории. Руководитель американских коммунистов У. Фостер писал, что Рузвельт «стремился к мирному сосуществованию с Советским Союзом», а также «был сторонником мира во всем мире». При всем этом, разъяснял У. Фостер, мастер глубокого марксистского анализа, «Рузвельт был капиталистом, либералом, миллионером, и его политика в конечном итоге была очень выгодна монополистическому капиталу»³⁴. 14 апреля траурный кортеж Рузвельта проследовал через Вашингтон. На улицах стояли молчаливые, печальные толпы. Жители столицы провожали в последний путь президента. Американские газеты тех дней подробно описывали печальную церемонию. В статьях приводились слова, услышанные корреспондентами на улицах. В Вашингтоне Ранон слышал, как какой-то мужчина печально сказал, глядя на траурный

³³ «F. R. The Conferences at Malta und Jalta, 1945», pp. 107—108.

³⁴ Уильям З. Фостер. История трех Интернационалов. М. 1959, стр. 403, 404.

кортеж: «Да. Он очень страдал. Где-то я прочитал, что сражался еще лучше, ибо был в цепях». Вспомнились тяжелые ортопедические приборы, которые Рузвельт носил почти 25 лет...

15 апреля в саду Гайд-парка тело Рузвельта было предано земле. Похороны были простыми. Батальон солдат, трехкратный ружейный салют. Сияло ослепительное солнце, плохо гармонизировавшее с трауром. Один из старых друзей Рузвельта заметил: «Ему бы понравилось это. Он всегда любил ясные, бодрые, весенние дни. Он любил жизнь». По завещанию Рузвельта Гайд-парк перешел государству.

В ту зиму и весну 1945 г. в логове фашистского зверя — Германии — по утрам бледный рассвет на востоке пронизывали огненные вспышки. Советские солдаты вступили на землю Германии, чтобы очистить ее от гитлеровской нечисти. Приближался конец фашистской ночи. Настольной книгой в бункере имперской канцелярии была «История Фридриха Великого». Гитлер и Геббельс проливали слезы над страницами, где рассказывалось, как во время Семилетней войны смерть российской царицы Елизаветы чудодейственно спасла Фридриха. Коалиция его противников пришла в расстройство, и Фридрих не покончил с собой, как намеревался. 13 апреля радио принесло весть о кончине Франклина Д. Рузвельта. Это вызвало неистовый восторг фашистских главарей. Геббельс дрожащим от радости голосом провозгласил: «Вот поворотный пункт. Это напоминает смерть царицы во время Семилетней войны». Он говорил Гитлеру: «Мой фюрер! Я поздравляю вас. Рузвельт умер. Звезды указывают, что вторая половина апреля станет для вас поворотным пунктом. Сегодня пятница, 13 апреля. Это и есть поворотный пункт». Астрологам было поручено составить гороскоп для Гитлера. Они должным образом подтвердили: победа будет за фашистской Германией. Гитлер приказал германским дивизиям на Эльбе отойти к Берлину, дабы облегчить «столкновение» советских и американских войск.

Дальнейшее известно. Встреча частей 1-го Украинского фронта с американскими войсками в Торгау на Эльбе ознаменовала собой демонстрацию боевого содружества Советского Союза и Соединенных Штатов. На развалинах фашистского рейха державы антигитлеровской коалиции торжествовали победу.